

Два чуда для Папы Мороза

Автор:

Вероника Лесневская

Два чуда для Папы Мороза

Вероника Лесневская

Роковые подмены #1

– Кто тут у нас? – киваю на двух пацанов.– Дети, – напарник говорит очевидное. – Потерялись. И они теперь – твои проблемы. Моя смена закончилась несколько часов назад. Все, подкидыши, передаю вас майору Морозову.– Мороз? – как по команде, мальчики поворачивают ко мне головы. Я, заядлый холостяк, понятия не имею, как вести себя с детьми. Ситуация на грани фола.– Майор Морозов, – уточняю.– Думаеш, он плавда Дед Мо'гоз? – младший толкает брата.– Не похож, – с подозрением тянет второй. – Ни бороды, ни седины, – размышляет. – И молодой. Как... папа.– О-о-о, Папа Мо'гоз? – радостно хлопает в ладоши первый. – Помогите нам найти маму!Какого?.. Этого мне еще не хватало в канун праздника!***Я ненавидел Новый год, пока в моей жизни не появились они. Братья-погодки, которые попросили меня найти их маму. И я согласился... на свою беду.

Вероника Лесневская

Два чуда для Папы Мороза

Пролог

– Ма-ама! Мамочка! – возвращают меня в реальность звонкие детские голоса.

Двое мальчиков подбегают к моей койке, обхватывают меня маленькими ручками, чмокают по очереди в щеку.

- Мы нашли тебя! - визжит один.

- Нахли! - коверкает второй.

Пытаюсь вспомнить, что со мной произошло. Но в голове белый шум.

Никаких картинок! Абсолютно. Словно меня не существует.

Я даже не знаю, как меня зовут. Паника захлестывает разум.

- Так хотели Новый год вместе встретить. Но не успели до полуночи к тебе! - жалуется первый. - Зато все-таки нашли! Успеем подарки под елкой забрать?

Мальчики смотрят на меня обеспокоенно. Киваю импульсивно. А сама вглядываюсь в их лица. И в сердце разливается тепло. Родственное.

Мои. Мои мальчики.

- Коля, Митя, - сами слетают с уст их имена. Хоть что-то!

Едва не плача, обнимаю детей в ответ.

Недоуменно хлопаю ресницами, когда замечаю мужчину в дверях. Стоит истуканом, внимательно изучает меня.

Каждую черточку. Каждую эмоцию. Каждую реакцию.

Чуть прищуривается, лаская взглядом. Добрым, нежным, словно я родная ему.

Наверное, я должна почувствовать, кто это?

- А это наш Папа Мороз! - радостно объявляют дети.

Мы с мужчиной вздрагиваем одновременно. Пересекаемся взглядами.

– Папа?.. Вы... мой муж? – спрашиваю испуганно, и он заметно напрягается. – Простите, я вас совсем не помню...

Чудо первое

Глава 1

Никита

– Так, граждане дети, полное ФИО, возраст? – доносится из кабинета строгий голос Кузнецова.

– Мама не разрешает разговаривать с незнакомцами, – парирует смелый детский голосок.

– Да, не лазлехает, – сильно картавит второй.

Хмыкаю задумчиво. Оттряхиваю куртку от снега и наваливаюсь спиной на дверь, плотно захлопывая за собой. Поспешно скидываю верхнюю одежду. Борюсь с неустойчивой вешалкой. Цепляю одну из рамок на стене – и в последний момент ловлю ее на лету.

– Так, отставить пререкаться! – чеканит Толик. – Капитан Кузнецов. Будем знакомы. А теперь к делу. Фамилия!

Сколько раз говорил Толянну бросить эти «ментовские» замашки. Мы почти год уже в полиции не работаем. В нашем нынешнем деле с людьми нужно общаться аккуратно, доверительно. Тем более в канун Нового года! У клиентов и так случилось что-то в праздник, а на них тут гавкают, как на допросе.

Хотелось бы пригрозить напарнику лишением премии, но... Канун Нового года, мать его!

Терпеть не могу.

Холод и гололед. Суэта. Очереди в магазинах. Толпы на улицах. Пробки... В этот день отвратительно все.

- Не скажем, - сопротивляются мальчики.

- Да почему? - бьет ладонью по столу Кузнецов. - Познакомились же!

Кто же так с детьми общается? И где их родители?

Смахиваю пыль с рамки, креплю ее на стену.

Наше детективное агентство «Узы» как раз специализируется на решении семейных проблем. Но за помощью к нам обычно обращаются, конечно же, взрослые.

- Мы вам не доверяем, - вещает «главарь» этой детской банды. - Какой же вы капитан? Где тогда ваш корабль? Врете. Вот и мы ничего вам не скажем. Да, Митька? - подзуживает, судя по всему, младшего брата.

- Да, Колька, - отзывается тот. - И моля у нас нет!

- Какой моли? - не понимает Толян.

- Моря, - переводит ему старший

- Та бл... кх-кх, - прокашливает ругательство напарник.

Я тороплюсь прекратить этот фарс - и осадить грубияна Кузнецова. Но у входа в кабинет едва не сбиваю елку. Откуда эта хрень зеленая у нас?

– Какого... – выпаливаю на эмоциях, тоже забыв, что нельзя при детях, но вовремя осекаюсь.

Впрочем, ни они, ни Толян меня не слышат – заняты «допросом». И не видят. Кузнецов сидит спиной ко мне и детям перекрывает весь обзор.

– Осторожнее, Никита, – раздается шепот сбоку, и от неожиданности чуть инфаркт не получаю. – Я игрушки стеклянные из дома принесла. Советские еще. Побьешь – жалко будет. Память!

Поворачиваюсь и смотрю на приятную женщину за шестьдесят, с мягкими, добрыми чертами лица. Она, как и мы с капитаном Кузнецовым, раньше работала в полиции. Правда, простой уборщицей. Пока ее не выперли на пенсию. В тот момент мы с Толяном как раз увольняться хотели. Потому что продумывали бизнес-план по открытию собственного детективного агентства. И решили, что помощница по хозяйству нам здесь не помешает.

– Марья Тимофеевна, ну, к чему это? – поморщившись, указываю на новогоднюю елку, которая покосилась немного после «встречи» со мной. – Впереди длинные выходные, никого в офисе не будет.

– Ты будешь, – подзывает и, когда я наклоняюсь, заботливо снег мокрый с моей головы смахивает. – Будто я тебя не знаю! Что в полиции на износ работал, что здесь из кабинета не вылезашь. Прибегать будешь. Вот как сегодня.

– Я на пару часов, отчеты закрыть надо, – лгу я.

На самом деле, дома меня никто не ждет, а свободное время скоротать надо. Лучше поработаю.

– Знаю я твои пару часов, – бубнит ворчливо. – Я там бутерброды принесла и крабовый салат в судочке. Надеюсь, Толик не умял все. Будет тебе чем червячка ночью заморить. А еще мандарины и конфеты. Кстати! Надо «найденшей» угостить!

Спохватывается, идет к Кузнецову. Задевает его боком небрежно, а тот подвигается покорно, пропуская ее к шкафу у стены. Марья Тимофеевна

открывает створку – и берет с полки пакет. Развернувшись, опускает его на стол рядом с мальчиками, раскрывает.

Пацаны с любопытством подаются вперед и в пакет заглядывают. Мелкий тянет руку, но старший одергивает его. И оба выпрямляются гордо, но исподтишка бросают грустные взгляды на угощение.

Кузнецов как ни в чем не бывало берет конфету из пакета, разворачивает ее при детях, которые чуть ли не слюнки пускают, но тут же получает по рукам от Марьи Тимофеевны.

– Куда? И так здоровый, того и гляди стул сломается под твоим весом, – беспардонно отчитывает его. – Сладости детям, – заботливо подает мальчикам конфеты и мандарины. Из ее рук они все-таки принимают лакомство. – И Никите Сергеевичу, – подмигивает мне. – Ему еще работать, в отличие от некоторых лодырей, – беззлобно хлопает по плечу Толяна.

Кузнецов, едва услышав мое имя, разворачивает голову чуть ли не на сто восемьдесят градусов, как одержимые в фильмах ужасов. И расплывается в улыбке.

– О, Ник! Наконец-то, – подрывается с места.

Не успеваю и глазом моргнуть, как Толян оказывается у двери, полностью одетый. Копперфильд дембельнувшийся!

– Стоять, – рявкаю, когда он в коридор направляется. – Это кто у нас? – киваю на мальчиков.

– Дети, – напарник говорит очевидное. – И они теперь – твои проблемы. Моя смена закончилась несколько часов назад, – издевается будто.

– Уйдешь без объяснений, премии лишу, – все-таки не выдерживаю. Работает безотказно: Кузнецов вытягивается по стойке «Смирно». И готов отвечать на мои вопросы. – Родители их где?

– Нет родителей. Дети одни, – рапортует он. – Доставлены в участок... брр... в агентство полтора часа назад, – делает паузу, выдыхая. – Их бабулька какая-то привела. Говорит, бродили по округе, маму спрашивали.

Хмурюсь и напряженно кошусь на ребят. И где их маманя-кукушка бродит? Оставила в новогоднюю ночь одних. Наверняка деклассированный элемент, а не женщина. Гуляет где-то с их папкой. Или вообще чужим мужиком.

Эх, семейка!

Хотя... выглядят мальчики ухоженными. Курточки недорогие, но чистые. Ярких цветов: синяя и салатная. Со светоотражающими элементами. Хвалю. И сомневаться в своих подозрениях начинаю. Может, случилось что с мамой-то?

– А почему к нам, а не в полицию? – возвращаюсь к Толяну. – Участок в десяти минутах отсюда.

– Не поверишь, то же самое бабуле сказал. Спровадить хотел, но едва клюкой по голове не огреб. Говорит, вы хлебный магазин выгнали из здания, агентство свое детективное открыли, вот и работайте, хоть пользу принесете детям. Цитирую дословно: «Нельзя, чтобы малыши провели новогоднюю ночь в обезьяннике с наркоманами, алкоголиками, про... – косится на детей, – ...профурсетками. И пьяными ментами». Ну, отчасти права бабуля.

– Сама она где?

– Так оставила мелких и ушла. Канун нового года же, ну! Кто возиться будет, – разводит руками.

– Ты хочешь сказать, я? – зло свожу брови.

– Да тебе только показания у них выбить, – ляпает он, а я шикаю на него. – Ой, то есть... Ну, поговорить с ними и адрес узнать, – исправляется поспешно. – Потом отвезешь домой. И дело закрыто. Вознаграждение требуй, а то с твоей добротой прогорим тут.

- Ты хоть что-то узнал? - отмахиваюсь и иду к столу, поглядывая на притаившихся мальчиков. Смотрю в записи Кузнецова, а там рисунки одни и закорючки.

- Не успел, - топчется на месте Толян, явно куда-то опаздывая. - Никита, ну я побежал? Супермаркет ближайший закроется скоро. Придется в центр за горошком ехать.

- Что? - встряхиваю головой непонимающе. - За каким горошком?

- Зеленым! Для оливье, - объясняет, как ребенку. С мальчиками лучше бы так разговаривал. - Не привезу - жена из дома выгонит.

- Высокие отношения... - бубню себе под нос.

- Эх, Никита, и тебе жениться давно пора, - вклинивается в разговор Марья Тимофеевна. - Чтобы дома с женой и детьми оливье нарезать в новогоднюю ночь, а не в офисе мерзнуть, - сетует она, собираясь домой.

Тянется за пуховиком, но я приближаюсь и перехватываю его. Придерживаю, помогая Марье Тимофеевне одеться.

- Судя по рассказам Кузнецова, сомнительное счастье, - выдаю с сарказмом. - Вон, из дома выгоняют без горошка.

- Было бы сомнительное, он бы так домой лыжи не наострил, - поднимает палец вверх поучительно.

- Отпусти, а? - умоляюще смотрит на меня напарник. Подумав, я киваю и отмахиваюсь обреченно. Что с него взять. Новый год головного мозга. - Спасибо! - перед уходом бросает взгляд на мальчиков. - Все, мальчишки-кибальчиши. Передаю вас майору Морозову.

И скрывается за дверью, на пару секунд впустив в помещение зимний воздух и хлопья снега.

– Мороз? – как по команде, мальчики оживают и впиваются в меня взглядами. – Дед Мороз?

Встают со своих мест, окружают меня. Прищуриваются, осматривают медленно, будто под рентгеном просвечивают.

Второй хлопок двери свидетельствует о том, что и Марья Тимофеевна оставила меня.

Наедине с двумя маленькими проблемами. Которые ведут себя сейчас... странно.

Их излишний интерес меня напрягает. Я, бездетный холостяк, понятия не имею, как вести себя с мелкими. Ситуация на грани фола.

– Меня зовут Никита, – заставляю себя улыбнуться и сделать шаг к ним. – Приятно познакомиться.

Братья переглядываются многозначительно. И молчат. На мгновение кажется, что они умеют обмениваться мыслями.

– Думаеах, он плавда Дед Мо'гоз? Настояхий? – шипилявый толкает брата.

– Не похож, – с подозрением тянет второй.

Ему бы в полицейские идти с таким дедуктивным мышлением. Впрочем, кто знает, куда его жизнь заведет, когда он вырастет.

– Капитан сказал, он Мо'гоз, – тычет в меня пальцем мелкий. – Дядя, ты Дед Мо'гоз?

– Не, вряд ли дед. Ни бороды, ни седины, – размышляет старший. – И молодой. Как папа.

– О-о-о, Папа Мо'гоз? – радостно хлопает в ладоши первый, а дыхание перехватывает. Какой папа?! – Помогите нам найти нафу маму, – добивает меня.

И глаза обоих загораются надеждой.

Вздыхаю тяжело: этого мне только не хватало. Искать их горе-мамку, кем бы они ни была, в канун Нового года. Не о таком я мечтал, когда открывал частное детективное агентство.

Но и бросить малышей одних на морозе совесть не позволяет.

– Поможете? А мы обещаем не баловаться, – подумав, смысленный протягивает мне ладонь, чтобы скрепить «сделку» рукопожатием.

Беру его теплую ладошку в свою. Подмигиваю второму братцу. Киваю.

Помедлив, они оба вдруг набрасываются на меня и... обнимают.

– Спасибо, Папа Мороз!

Кажется, я попал. На всю новогоднюю ночь. А ведь ее с кем встретишь, с тем и проведешь. И мне было комфортно из года в год оставаться волком-одиночкой.

Но этот детский десант перевернул все с ног на голову.

Глава 2

Аккуратно отстраняю от себя мальчиков. Их обидеть не хочу, но не привык я к нежностям подобным с детьми чужими. А своих нет, и не стремлюсь.

– Так, значит, Коля и Митя, – вспоминаю, как они обращались друг к другу во время «допроса».

– Ой! – одновременно ладошками рты прикрывают.

На мгновение кажется, будто кто-то зеркало расколол надвое.

Но иллюзия быстро рассеивается. Ведь мальчишки разные совсем. И по росту, и по возрасту. Видимо, погодки. Внешне отличаются. Один, тот, что старше, долговязый, худой, с глазами раскосыми. Младший – круглолицый и пухленький. Ничего, перерастет, или спортом займется.

Тьху ты, зачем вообще об их будущем думаю! Мне бы избавиться от мальцов как можно скорее. То есть домой вернуть, конечно же. Хотя к мамке их у меня есть вопросы! Так что быстро не получится.

– Что «ой»? – сведя брови к переносице, считываю реакцию братьев.

– Откуда вы знаете, как нас зовут? – удивленно выпаливает Коля, старшенький.

– Он – Папа Мо'гоз! – важно выставляет пальчик мелкий. – Он все знает! И маму найдет, – опять за старое.

Не выдержав, тяжело выдыхаю и падаю на стул, откидываясь на спинку. Киваю мальчикам на их места напротив.

Терпеливо жду, пока они усядутся, пошепчутся между собой – и, наконец, уставятся на меня. Но стоит мне открыть рот, как непоседы отвлекаются. Младший, Митька, тянется за мандарином. Высунув язык, он сосредоточенно давит большим пальцем в кожуру, но проткнуть ее не может. Тогда протягивает Коле.

– Отк'ой, – просит брата. И тот мигом приходит на помощь.

Чистит цитрус, разбирает его на дольки, заботливо выкладывает перед младшим братом. Ощущение, будто они часто остаются вдвоем, без родителей. Самостоятельные совсем.

Злюсь на их маму-кукушку, а самих жалею, хотя, казалось бы, мне чужды какие-либо чувства. Но эта ситуация вызывает отвращение. Как и резкий запах мандаринов, что мгновенно распространяется по кабинету, забирается в нос, щекочет. Говорят, это аромат Нового года. Вот только у меня аллергия и на него, и на сам праздник.

- Сколько лет? – выдыхаю, пытаюсь побороть эмоции.

- Митьке четыре, мне шесть, – опирается о стол Коля.

- В школу ходишь? – цепляюсь за ниточку, которая тут же рвется.

- Нет, первого декабря исполнилось, – объясняет.

- Как зовут вашу маму? – перехожу к делу, чтобы приблизить момент его раскрытия.

- Яра, – отзывается Коля деловито. – Ярослава, – уточняет.

Красивое имя – отмечаю мысленно. И тут же одергиваю себя. Записываю данные в почерканном блокноте Кузнецова.

- Фамилия?

- Солнцева, – охотно «сотрудничает со следствием» старший, пока младший жует мандарин.

- Мороз и солнце, день чудесный, – усмехаюсь я себе под нос, делая новую пометку.

- Кстати, за поиск мамы мы заплатим, – обезоруживает меня Коля.

- Кх-кх... Что? – закашливаюсь я.

Он толкает младшего локтем, зыркает многозначительно, на меня кивает, бровями играет.

- А-а-а! – догадывается Митька.

Быстро запихивает в рот остатки мандарина и, пока я переживаю, чтобы он не подавился, забирается на стул и делает вдох.

- Дело было в январе, - декламирует так громко, что я невольно морщусь. - Стояла елка на голее...

- Так, стоп, - поднимаю руки, словно капитулирую. - Это что?

- Стих, - пожимает плечами растерянный Митька.

- Это зачем? - пребываю в легком шоке.

- Дед Мороз за стих дает подарки, - поясняет Коля. - А вы, Папа Мороз, найдете маму.

И оба кивают довольноно.

- Не надо ничего, я и так найду, - бурчу я, опуская взгляд в блокнот.

Мальчики, кажется, обижаются. Хреновый из меня Дед Мороз, а Папа - тем более.

- Так не бывает, - спорит Колька, пока Митька садится за стол. - Мама говорит: «За все надо платить». А еще: «Бесплатный сыр в мышеловке». И...

- Понял, - прерываю я вечер пословиц и поговорок. - Правильно ваша мама говорит. Но мы это будем решать с ней лично, - чуть ли не рычу под конец фразы.

Даже не видел ее ни разу, а заочно ненавижу. Потому что взяла и бросила детей своих на морозе. Черте что, а не мамка.

- Не надо с мамой решать! - вскрикивает Колька испуганно.

- У мамы денег нет, - добавляет Митька.

- Она работает каждый день. Иногда и ночью. Если вызовут.

Ночью, значит? Цепляюсь за эту информацию – и скриплю зубами. Бедные пацаны.

– А вы с кем в это время сидите? – сжимаю ручку, опасаясь услышать ответ.

– Днем мы в детском саду, вечером с Марьванной, – сообщает старший. – Это соседка наша.

– Мы и одни бываем. Мы зэ взлослые, – наивно признается младший, за что получает пинок от брата.

– Тш-ш, нельзя говорить. Мама сказала, нас заберут у нее, если узнают, – шепчет Коля, думая, что я не слышу. Я же тем временем впадаю в шок.

В принципе, мне все понятно. Надо позвонить своим ребятам из полиции. Наверняка эту «ночную бабочку» замели на «рабочем месте». И искать ее где-нибудь в обезьяннике надо.

Однако, что делать с пацанами, пока маманя там, – все еще вопрос!

– Ярослава Солнцева, значит, – повторяю зачем-то, пробуя ее имя на вкус. – Фото есть?

Покажу полицейским на случай, если она под «псевдонимом» работает. Как все эти...

– Да, в телефоне, – подскакивает Коля и ныряет рукой в задний карман джинсов.

– Стоп, а звонили маме вашей? – сам своей тупости удивляюсь. Ведь с этого надо было начинать!

– Ага, – кивает Митька. – Но у мамы телефон отключен, – с грустью.

– Да, мы еще с Марьванной дозвониться пытались, – пыхтит Коля, сражаясь со штанами. – Мама сегодня раньше обещала приехать, – скидывает куртку, чтобы не мешала. – Потом Марьванна к себе в квартиру пошла салаты готовить. Нам сказала дома сидеть. Но мы решили маму искать, – бодро заключает он. – О-ой...

Наконец-то, выуживает телефон, но смотрит на него испуганно. Глазками голубыми лупает, чуть не плачет.

- Опять лазбил! - укоризненно фыркает Митька. - Мама больше не купит! Денег нет!

- Знаю, - всхлипывает Коля.

Забираю у него телефон, изучаю трещину на дисплее, которая паутиной разрослась по всей площади. Касаюсь пальцами, но сенсор не реагирует. Все, кирпич.

Прячу в карман.

- Так, едем к вашей Марьванне, - иду за курткой в коридорчик. - Адрес говорите. Недалеко здесь?

- Нет, нам маму искать надо! - оба руки на груди складывают.

- Вдруг она вернулась домой, а вас там нет, - изгибаю бровь, правда, сам сомневаюсь. Если она там, где я думаю, то отпустят нескоро.

Но надеюсь сдать мальчиков соседке, пока с мамкой разберусь.

- Мама дома, мама дома, - повторяет Митька и бежит ко мне. - Поехали!

Отталкивает меня, ныряет за тумбу - и тащит из темного угла... санки.

- А это еще что такое? - недовольно бубню.

- Наш транспорт, - гордо отвечает приблизившийся Коля. - Мы приехали на них сюда.

- Та-ак, - тяну я и забираю из рук Митьки веревку, привязанную к санкам. - Права есть? - едва сдерживаю смехок.

Мальчики плечами пожимают и отрицательно качают головами.

– Значит, транспорт я у вас конфискую, погружу в эвакуатор и отправлю на штрафстоянку.

Беру санки подмышку, собираясь закинуть в багажник своего автомобиля. Не хватало еще пацанам по обледеневшим дорогам на санках носиться. Врежутся во что-нибудь, или на трассу их вынесет.

Понурился, Коля и Митя плетутся за мной. Послушно устраиваются на заднем сиденье машины. Старший диктует адрес. Смешливый он все-таки.

Оба классные. Жаль, дуре достались.

Всю дорогу поглядываю на братьев через зеркало заднего вида.

– Папа Мороз, ты же нас не бросишь? – тихонько интересуется Колька, как будто их бросали уже. А Митька взглядом наивным в меня впивается.

И я не знаю, что ответить...

Некоторое время спустя

Вдавливаю кнопку звонка до упора. Вслушиваюсь в гадкие мелодии по ту сторону двери. Пытаюсь распознать в перерывах какие-то голоса или шаги.

Но ничего.

– Марьянна говорила, что собирается в гости, – выдает Коля, и я опускаю обреченный взгляд на него. – Ну да. Поэтому и убежала салаты готовить. И с собой упаковывать.

– Раньше не мог сказать? – разворачиваюсь к нему. – Мы минут пять под дверью стоим, – с трудом сохраняю невозмутимость.

- Вы не спрашивали, Папа Мороз, - улыбку виноватую мне посылает. И она работает.

Импulsiveвно руку протягиваю и треплю пацана по макушке. Волосы влажные: вспотел под теплой шапкой, которую в подъезде снял. Не заболел бы. Одним движением из руки Кольки забираю его ушанку и возвращаю ему на голову.

Притягиваю к себе Митьку. Тот вообще полусонный, еле на ногах держится. Нагулялись они сегодня по морозу.

Переживать за обоих начинаю. Отогреть бы, накормить и спать уложить под пуховое одеяло. А мамку их непутевую сам найду.

- Ключи от маминой квартиры есть? - выставляю ладонь.

- Ага, - Коля долго роется в карманах куртки, хлопает себя, лезет во внутренний, а потом губы сжимает. - Неа, потерял.

- А-а-а, блин! - выпускаю клуб пара изо рта.

Запрокидываю голову, ненароком ударяюсь затылком в дверь Марьванны.

- Что делать-то с вами? К себе отвезти, что ли... - задумываюсь, потирая ушибленное место.

- Нет, маму искать, - будто внезапно проснувшись, рывкает Митька.

Смотрю на эти две мелкие проблемы, что свалились на мою голову в канун Нового года, и не понимаю, где я так провинился. Пока думаю, за что мне послано двойное наказание, в кармане внезапно начинает жужжать телефон.

- У аппарата, - на выдохе.

- Ник, помощь твоя нужна, - знакомый голос серьезен как никогда.

- Алекс? Что произошло? - выпрямляюсь по струнке.

– Приезжай. Не телефонный разговор, – чеканит он, и я готов лететь незамедлительно.

Потому что мне звонит мой лучший друг – Александр Врагов. А он никогда не беспокоит по пустякам. В последний раз он обращался, когда его любимую подставили и упекли за решетку, а потом ее фиктивный муж еще и детей забрать грозился. Сыновей Алекса, на секундочку, родных. В общем, занятное дело вышло. Я тогда еще в полиции работал.

Но сейчас. Зачем ему помощь частного детектива? Да и у меня тут дабл трабл...

– Намекни хоть, Алекс. Мне не совсем удобно сейчас. Я не один, – поглядываю на мальчишек.

И за шкирку ловлю опять засыпающего Митьку. К себе прижимаю, по плечу похлопываю легко. Подмигиваю приободряюще Кольке, который почему-то загрустил вдруг.

– О-о-о! Ну и отлично! Девчонку свою тоже бери и приезжай! Мы с Даной и детьми ждем тебя, – не отступает друг.

И его тон кажется мне подозрительно радостным для человека, у которого что-то стряслось.

– Ты ведь говорил, помощь нужна, – цежу недовольно.

Ложь чувствую и ненавижу.

– Одно другому не мешает, – мнется Алекс, но на фоне звучат упреки его жены Богданы. – Ладно, признаюсь, мы просто хотим видеть тебя в гостях. А тебя клещами из норы твоей не вытащить! Вечно отговорки придумываешь. Раньше ночными дежурствами прикрывался, а теперь чем? Дело-то свое открыл, можешь и выходной сам себе дать!

– Дети у меня, – кошусь на братьев.

– Неожиданно, – закашливается Врагов. – Тогда тем более приезжай, – добавляет после паузы. – Сам знаешь, у нас и так тут детский сад. Одним больше – никто и не заметит, – хохочет по-доброму.

У Алекса двое мальчиков-близнецов и крохотная девочка, папкина принцесса.

Я же только мешать их дружной семье буду. Не люблю навязываться.

– Двое, – уточняю. – Мне маму их искать надо, – признаюсь я, а сам провожу свободной ладонью по карману, куда сунул разбитый телефон Коли.

В памяти наверняка остались номера телефонов их родных, фотографии, еще какая-то информация. Но мне нужен компьютер, чтобы все это достать.

И живет Врагов недалеко. К нему быстрее можно добраться, чем в мою холостяцкую берлогу, где даже еды нормальной нет – одни полуфабрикаты. Дана с пацанами мне поможет. Отдохнут они хоть и поужинают нормально.

Значит, решено...

– В течение часа будем! – радую Алекса. И он отключается, не давая мне возможности передумать.

*Алекс и Дана Враговы – герои книги "Близнецы от врага. Чужая тайна"

Ранее. Ярослава

– Я тебя не отпускал, солнышко.

На фоне бахает ритмичная музыка, в помещении душно.

– Не называйте меня так, – фыркаю недовольно. – И вы обещали. Сегодня Новый год, и...

Опираюсь спиной о стену, наслаждаясь спасительной прокладой. Чувствую, как капелька пота стекает к ложбинке груди. Кошусь на часы.

– До последнего клиента работай, – звучит строго, безапелляционно, грубо. – Тебе же нужны деньги? И эта работа? Обслужи шестую вип-кабинку. А потом посмотрим. Оплата в конце вечера.

Вдох... Действия на автомате.

Вип-кабинкой вечер не ограничивается.

Минуты сливаются в часы. Нервы на исходе. Сил давно не осталось.

Тело ватное. Ноги еле держат. В голове гудит.

Очередной взгляд на часы.

Все-таки опоздала. Обманула!

Смахиваю слезы усталости и вываливаюсь на холод. Морозный воздух отрезвляет, но тут же пробирает до костей.

Болезнь нельзя. Слечь нельзя. Завтра опять ночная смена. Не выйти нельзя.

Я словно сломанный робот. Но жалеть себя нельзя.

Один шаг. И еще. Вниз по обледеневшим ступенькам.

Толчок.

Затылок простреливает острой болью. В мозгу будто что-то вспыхивает и взрывается, разлетаясь миллиардами осколков и уничтожая все на своем пути.

– Время поступления... Ушиб головного мозга... Состояние...

Обрывки фраз прорываются в мой замутненный разум, словно сквозь слой ваты. Сквозь веки пытается пробиться яркий свет, но глаза открыть больно. Зажмуриваюсь.

– Нашли ее без сознания недалеко от клуба. В клубе не опознали. Администратор сказал, что такая у них не работает, – звучит чуть громче. – Документов с собой нет, кошелек и телефона тоже, – голос отдаляется, словно я, вынырнув из воды, опять погружаюсь в глубину.

Выдыхаю со стоном. Голова будто не моя. Тяжелая.

Мысли путаются, образы плывут. Единственное, о чем я могу думать до последнего всхлипа...

– Мальчики, – зову сипло.

Кто-то трогает меня за руку, будто прощупывает пульс.

– Очнулась? Имя, фамилия? – заваливает вопросами. – Кому мы можем позвонить и сообщить...

Размыкаю обветрившиеся на холоде губы, издаю слабый хрип – и раненой птицей лечу в темную бездну...

Глава 3

Сейчас. Никита

«Идиотский Новый год», – ругаюсь себе под нос и сигналию стоящим впереди автомобилям, хотя это бесполезно. Мы все сейчас – жертвы «праздничной» пробки.

Вот и чего людям дома не сидится? Массово горошек скупают, как Толик?

Бью ладонями по рулю, но тут же беспокойно оглядываюсь. На заднем сиденье моего автомобиля, прижавшись друг к другу, как два воробушка, спят Митя и Коля. Боюсь, что разбудил случайно, но с облегчением выдыхаю: они и не вздрогнули. Утомились за день.

Залипаю на пацанах взглядом, а рот сам плывет в улыбке. Тепло как-то рядом с ними, уютно. По-домашнему.

От дурацких мыслей отвлекают настойчивые автомобильные гудки позади. Обращаю внимание на дорогу и жму на газ, потому что длинная вереница машин наконец-то начала двигаться.

К Враговым мы добираемся позже, чем я ожидал. С трудом торможу мальчишек – и выношу их из машины. Беру за руки, а братья буквально повисают на мне.

Приобняв обоих, волоку их к дому Алекса. Пройдя охрану и сообщив, кто мы, взбираемся на крыльцо. Буквально на секунду отпустив мальчишек, надавливаю на кнопку звонка. И опять хватаю ребят за руки.

Через некоторое время слышатся шаги, дверь открывается неторопливо. И нас встречает... Дана?

Точнее, ее живот, который появляется в проеме первым. Сама блондинка одной рукой придерживает спину, а второй – опирается о косяк.

– Ты... опять? – сглатываю удивленно, опускаю слова приветствия, а потом последнюю встречу с Враговыми вспоминаю. Алекс не говорил ничего о беременности жены. – Мы так долго не виделись? – продолжаю глуповато пялиться на ее живот.

Девушка сводит брови, шумно вздыхает, потому что ей физически тяжело долго стоять, а потом вдруг хохочет звонко.

– Сеструль! – кричит в сторону кухни. – Тут ваши гости прибыли, – подмигивает мне.

Жестом приглашает нас в холл. Треплет полусонных мальчиков по головам, помогает снять с них шапки, а сама кряхтит и охает при этом.

– Ой, мокрые совсем. Переодеть их надо, – заботливо говорит. – Сейчас у близнецов что-нибудь модное стрельнем, – хихикает.

Тем временем в холл выходит ее точная копия. Впрочем, ни хрена не точная. Потому что без живота. И это наверное, единственный опознавательный знак, по которому можно отличить Мику и Дану.

– Познакомились? – ехидно тянет Врагова.

И пазл, наконец, собирается в моей голове.

– Да. С той самой сестрой-близняшкой, которая тебя подставляла, – припоминаю их прошлое, в котором мне тоже приходилось разбираться.

Мика выдавала себя за Дану по приказу шантажистов, правда, сама на тот момент не была в курсе, чью роль исполняет. Обе девушки – сироты. И до недавнего времени не знали о существовании друг друга.

– Я не виновата, – обиженно бурчит Мика, а Дана по плечу ее проводит успокаивающе.

– Так, кто тут моего ёжика огорчает, – доносится откуда-то сбоку. – Показывай, кого бить, – шутит приближающийся мужчина.

Или не шутит.

Слишком уж стремительно он оказывается рядом с Микой и чуть ли не в боевую стойку становится.

Следом к нам подлетает маленький белобрысый мальчик, с интересом на Митю и Колю поглядывает.

– Дан, поздоровайся, – по-преподавательски убедительно произносит Мика, но при этом ее тон пропитан нежностью и материнской любовью.

Дан, бросив нам тихое: «Драсе», прижимается к ней и по низу живота гладит.

– Ян Левицкий, – представляется мужчина рядом с Микой и пожимает мне руку.

Знакомая фамилия. Видел ее в личном деле Даны, когда помогал ей. Да, точно. Это же девичья фамилия сестер. Значит, Ян...

– Брат? – предполагаю я и тут же жалею об этом.

– Муж, – рывкает он, мгновенно воспламеняясь, и Мику обнимает. А та прыскает смехом. Но тут же закашливается.

– Тошнит опять, – жалуется, и Ян ласково по спине ее поглаживает. В висок целует. Руку на живот перекладывает.

Явно не по-братски.

Извинившись, вместе с мальчиком они оставляют нас, скрываясь в одной из комнат.

– Больная тема, – шепчет мне Дана, пока мы поднимаемся в детскую. – Мика родственников наших в Польше искала. Ну и, нашла, – делает паузу, не зная, как объяснить. – В общем, они с Яном действительно некоторое время думали, что брат и сестра. И все вокруг так считали. Любить им друг друга нельзя было, но сердцу не прикажешь, – вздыхает мечтательно. – У семьи Левицких оказалось много тайн и скелетов в шкафах. Врагов и предателей тоже тьма. Все мешали. Яну и Мике скандал жуткий пришлось пережить. Хорошо, что все выяснилось. Главное, что Ян и Мика неродные. И сейчас вон, малыша ждут.

– Второго? – уточняю. – Дан чей?

– Усыновленный, но они любят его, как своего, – улыбается Врагова.

По пути заглядывает к своей новорожденной дочке, которая спит в кроватке под балдахином, а потом впускает нас с ребятами в соседнюю комнату. Знакомит Колю и Митю с близнецами Сашей и Ильей.

Пока мальчики присматриваются друг к другу, неумело и смущенно общаются, Дана отводит меня в сторону.

- Кто эти дети, Ник? - кивает на «найденшей». - Чьи они?

Но объяснить все не успеваю.

- Папа Мороз, - зовет меня Колька и ближе подбегает. - А где здесь туалет? - краснеет, как рак вареный. - Митьке надо, - мигом «переводит стрелки».

- Эй, ну ты! - злится братик и тоже смущается.

Дана указывает им на нужную дверь, а сама поворачивается ко мне. Ошеломленно ресницами хлопает:

- Папа, значит?

- Нет, - возмущенно спорю, а Дана мрачнеет и руки на груди складывает, будто я только что от собственных детей открестился. - Это сложно объяснить. Нам их в детективное агентство подкинули. Потеряшки они.

Сам удивляюсь, когда в моем голосе теплые нотки поступают. «Нельзя привязываться к чужим детям», - убеждаю себя, а сам смотрю в том направлении, где пацаны скрылись.

- Ой, - сочувственно выдает Дана. - А мамочка их где?

- Подозреваю, что неудачно «поработала», - цежу зло сквозь зубы. - Я, пока ехал к вам, уже ребят попросил проверить «обезьянники». Но у меня есть только имя. А «такие» обычно под псевдонимами «трудятся» в поте лица и других частей тела, - добавляю гадливо.

- Какие «такие»? - прищуривается. - Фу, Ник, вечно ты самое плохое подозреваешь! Может, случилось что-то. Больницы обзванивать надо, а не только полицейские участки! - отчитывает меня.

– Этим тоже занимаются, – отмахиваюсь. – Не первый год людей ищем, – напоминаю важно.

– Ага, не первый. Очерствел там совсем в своей полиции, – пальцем мне грозит. – В общем, я мальчишек покормлю сейчас, займу чем-нибудь. Вон, Саша и Илья им приставку включают, – подмигивает своим близнецам, а они одновременно кивают. – А ты давай мамочку нашу ищи! Вдруг ей помощь нужна? Да и дети в Новый год остались без родителей! Жалко-то как, – охает Дана.

На совесть давит. И у нее это получается.

Делаю вид, что я все еще непоколебим и убежден в своей правоте, а сам глаза отвожу.

– Дружище, – спасает меня от неприятного разговора Алекс. – Что, и тебя тоже воспитывает? – цокает Дане, а та прищуривается игриво. – Так, Ник, бросай все. Птичка пять минут за детьми твоими присмотрит. Да, птичка?

– Они не мои, – бурчу я и опять неодобрительный взгляд на себе ловлю.

Сейчас-то что не так? Правду ведь сказал!

– Идем старый год быстренько проводим, – намекает Врагов. – Заодно и расскажешь все.

– Нет, Алекс, не сейчас. И я за рулем, – отрицательно головой качаю. – Мне ноутбук нужен, – достаю из кармана разбитый телефон Коли и в руках прокручиваю. – Информацию перекинуть, – показываю другу.

– Идем, – соглашается незамедлительно, а потом добавляет тише: – Одно другому не мешает.

– Алекс! – возмущается Дана.

– И я тебя, – посылает жене воздушный поцелуй, а сам ведет меня в кабинет.

– Красивая, – тянет Врагов, нависая над столом и заглядывая в ноут. – Где познакомились?

Не сразу реагирую на его вопрос, потому что озадаченно листаю фотографии, выуженные из памяти телефона.

– Мы не знакомы, – бросаю небрежно. – Говорю же, не мои дети. Подбросили.

А сам впиваюсь взглядом в изображение, развернутое на весь экран.

Мама у мальчишек действительно красивая. Молодая совсем, хрупкая, милая. Волосы светлые, глаза с хитринкой, как у лисички, и улыбка... завораживающая.

Девушка обнимает детей – и вместе они выглядят по-настоящему счастливыми. Не похожа она на представительниц древнейшей, к коим я ее причислил в гневе.

Где же ее искать тогда?

Словно услышав меня, в этот же миг звонит коллега из полиции.

– Среди задержанных никакой Ярославы Солнцевой нет, – сообщает он, но я уже и так готов к подобному исходу. Ошибся я все-таки. – Сегодня вообще облав не проводили, Новый год же. Кому нужны лишние проблемы? – хмыкает. – В больницах женщины с таким именем тоже не зарегистрировано. Все приемные покои записи свои прошерстили. Разве что... Есть пара тел неопознанных... – добивает меня. – Приедешь? Глянешь?

Обычная процедура, но именно сейчас мне становится вдруг больно от перспективы увидеть там ЕЁ.

Теряю хватку. Собраться надо и отбросить неуместные эмоции.

– Да, приеду, – холодно отвечаю, а у самого сердце сжимается.

Еще раз смотрю на фото жизнерадостной блондинки с искренней улыбкой – и перекидываю все файлы на свой телефон.

– Алекс, присмотрите за «найденными»? – прошу друга, а он головой машет поспешно. – Мне надо съездить кое-куда. Пацанам туда... – сглатываю нервно, – ...нельзя.

Некоторое время спустя. Никита

В просторном помещении ожидаемо прохладно. В нос забираются запахи формалина, хлора и... кофе.

Ничего нового или необычного. Обстановка меня абсолютно не трогает – привык за годы службы.

Однако впервые нахожусь в шкуре родственников потерпевших. Впрочем, с чего бы это? Я – никто для загадочной Ярославы Солнцевой. Равнодушен должен быть и к мамке ребят, и к ним, и к самой ситуации. Всего лишь очередное дело, которое нужно раскрыть.

Но почему-то внутренности скручиваются в узел, стоит мне подойти к тем самым неопознанным. Кажется, проходит вечность, прежде чем патанатом убирает простыни.

– Эта прибыла... Час назад, ножевое, – комментирует Илья, невозмутимо дожевывая бутерброд. – А эту... Два часа назад привезли, замезшую нашли. Бездомная, скорее всего.

Всматриваюсь в холодные безжизненные лица. Мысленно сравниваю с той солнечной девочкой, которая улыбалась с изображений. Мне и фото открывать не надо – настолько оно в мозг въелось. Каждая черточка.

– Нет, не она, – выдыхаю с облегчением.

– Своего кого ищешь? – почему-то предполагает Илья.

Смотрю на него недоуменно и отрицательно головой качаю. А он лишь плечами пожимает, мол, не его дело.

- Ну, в любом случае удачи в поисках. С наступающим, - посылает мне добрую улыбку. - Проводим старый, чтоб не вернулся, раз уж ты заглянул?

Едва сдерживаюсь, чтобы глаза не закатить. Еще один! Все сегодня под новогодним вирусом. У меня одного иммунитет.

- Спешу, - отнекиваюсь.

- Ну, тогда мы тут сами с молчунами посидим, - смеется над своим же черным юмором.

Илья моет руки и возвращается в кабинет, где накрыт скромный стол.

Я же спешу покинуть это место.

Вываливаюсь на мороз, вбираю полные легкие студеного воздуха и выпускаю его через нос шумно.

Бреду по стеклянной поверхности льда, припорошенной свежим снегом, отчего риск упасть и сломать себе что-нибудь только возрастает. Однако здравому смыслу вопреки, все вокруг обретает новые краски. Даже долбаный Новый год больше не кажется столь мерзким.

Я в чудеса никогда не верил, но сегодня почему-то хочется.

- Скоро буду, - на ходу отвечаю на звонок Алекса. - Не нашел пока. Как пацаны?

Поскальзываюсь на ледяной глади, но тут же равновесие восстанавливаю. И все-таки отвратительная погода.

- Они-то нормально, - тянет друг. - Приезжай, да. Только предупредить хотел. У нас тут... Загорский с семьей и друзьями. Надеюсь, это не будет проблемой?

Слишком много лишних людей и ненужных встреч для одного дня. Чувствую, этот Новый год запомнится мне на всю жизнь.

Ничего не ответив Алексу, я прыгаю за руль. Жму на газ, но притормаживаю, когда меня заносит на повороте.

Трасса как каток, лобовое стекло залеплено снегом, ветер усиливается. Сидеть бы дома или в офисе. Но вместо этого я разыскиваю незнакомку. И леденею от одной лишь мысли, что она может оказаться где-то на улице в такую погоду.

Погруженный в свои мысли, сам не осознаю, как и, главное, почему я на автомате останавливаюсь возле торгового центра. Небрежно паркуюсь у входа. И, ведомый какой-то чужеродной силой, направляюсь в детский отдел.

Понимаю, что лучшим подарком для Мити и Коли станет возвращение их мамы. Но пока что не могу осуществить их главное желание. Фальшивый Папа Мороз.

Однако хочется немного скрасить пацанам Новый год. Чтобы они не презирали этот праздник, как я.

Переступив порог магазина, тут же жалею о своем импульсивном порыве. Потому что внутри тьма народа! Как будто все находились в коме до этого дня и только недавно очнулись. И в последние часы уходящего года помчались за подарками.

Пробираясь сквозь галдящую толпу, я чувствую себя героем Шварценеггера, который искал Турбомэна своему сыну в подарок на Рождество. Кто-то толкает меня в спину, кто-то задевает плечом, а кто-то и вовсе топчется по моим ботинкам, как по бульвару.

Я говорил, что ненавижу Новый год и предпраздничную суету? Разгул преступности и торжество несчастных случаев. Была бы моя воля, комендантский час бы объявил.

Призвав остатки своей полицейской выдержки, сканирую полупустые полки, цепляюсь взглядом за радиоуправляемые машины. Две. Словно меня ждали.

Хватаю их, чувствуя себя победителем, иду на кассу, по пути набрав кучу сувениров для "детского сада", что собрался в доме Враговых. Беру все, что под руку попадается.

Нагло обхожу очередь, «посветив» корочкой, пусть и просроченной, и не чувствую никаких зазрений совести. Я ведь при исполнении. А подарки... Так это для дела нужно!

До конца не понимая своих мотивов, загружаю пакеты на заднее сиденье машины. Туда, где буквально пару часов назад дрыхли мальчишки.

Отгоняю незнакомые, новые для меня эмоции – и мчусь к Враговым.

*Мика и Ян – герои дилогии: "Не.Родная сестра магната" и "Ребёнок магната. Не.Разлучные"

*Стас и Алиса Загорские – из книги "Двойня для босса. Стерильные чувства".

Глава

4

Опустив пакеты с подарками прямо на порог, я пожимаю руку Стасу Загорскому и напряженно молчу. Мы оба не спешим начинать разговор.

Абсолютно чужих, волей судьбы нас объединила одна женщина – сестра Алекса. И лучше бы она вовсе не встречалась на моем пути.

Много воды утекло с того момента, когда моя невеста Милана выбрала деньги Загорского – и стала его женой. Сейчас они тоже не вместе: пусть не сразу, но Стас распознал ее подлую сущность. И сам пострадал от обмана и интриг.

Понимаю, что надо бы отпустить прошлое. И я почти сделал это, но...

Не так давно я узнал, что Милана выходила замуж беременной... Моим ребенком. И, не задумываясь, сделала аборт. Ради статуса, карьеры и богатой жизни пошла

на убийство нерожденного малыша.

- Никита, - со скрипом представляюсь я, хотя Загорский и так в курсе. Алекс рассказывал ему и обо мне, и о моей роли в жизни его бывшей жены.

- Стас, - отвечает он, скорее, придерживаясь правил приличия.

Нам нечего делить. У Загорского новая семья. А мне это «счастье» на хрен не нужно после предательства Миланы. Каждый остался при своих интересах.

Однако ситуация все равно неловкая.

Так и не пообщавшись, мы со Стасом разбредаемся по разным углам гостиной, принимая равнодушный вид. «Горячая» встреча не укрывается от внимания Врагова. И друг отводит меня в сторону.

- Ник, - начинает он, но я обрываю его.

- Можешь не стараться, Алекс, - ухмыляюсь вымученно. - Я все знаю, - слышу его недоуменный кашель. - Ты серьезно? - смотрю на него снисходительно. - Забыл, где я работаю? Я выяснил все, когда у Стаса с Миланой был скандальный развод. Как бы они не пытались скрыть детали, мое профессиональное любопытство оказалось сильнее. Я знаю и про аборт, и как Милана обманула мужа, и как вашу семью вокруг пальца обвела. Мы все оказались обманутыми твоей сестрой, Алекс. Даже ты. Но я адекватно воспринимаю произошедшее. Несмотря ни на что, я ведь все еще общаюсь с тобой. И со Стасом делить мне нечего.

Немного разряжает обстановку рыжеволосая девушка - жена Загорского. Подходит к суровому мужу, чмокает его в щеку, отчего он заметно смягчается. И ведет обратно к нам.

- Алиса, - с улыбкой протягивает мне руку. А свободной чуть придерживает округлившийся живот. Беременна. Если не ошибаюсь, третьим. У них со Стасом уже есть двойняшки.

Именно они и не позволяют нам нормально поздороваться, но зато атмосфера с их появлением еще теплее становится. Мальчик и девочка подлетают сначала к маме, а потом переключают внимание на отца. Прижимаются к Загорскому, но на меня с подозрением смотрят.

Решаю «подкупить» мелких. Нахожу среди покупок две небольшие игрушки, которые, как мне кажется, подойдут им: мягкая игрушка и машинка. Но дальше все идет не по плану. Витя, так зовут сына Стаса, хватает плюшевую собачку, а Вика, его дочь, важно берет спорткар.

Оба сбегают под звонкий смех Алисы.

– У двойняшек необычные интересы, – хихикает она и крепче обнимает Загорского.

– Папа Мороз! – доносится со стороны лестницы, а я тяжело вздыхаю. Что-то с прозвищем решать надо. – А где мама?

Примчавшись ко мне, Коля и Митя застывают и впиваются в меня чистыми глазками. Ждут чуда или хоть какой-то хорошей новости. Но мне нечем их порадовать.

– Малыши такие милые, – ласково отзывается Алиса. – И на тебя похожи, – вдруг заявляет, прищурившись. Смотрит на нас, будто сравнивает.

От неожиданности закашливаюсь надрывно. Пока все нормальные люди становятся родителями естественным, так сказать, путем, меня сделали отцом поневоле. Никогда бы не подумал, что попаду в такую ситуацию.

– Вашу маму... – перевожу внимание на пацанов, – ...я ищу.

Они вздыхают с грустью и надувают губы, будто я их обманул. Вспоминаю про радиоуправляемые машинки. Может, хоть так смогу временно поднять ребятам настроение.

И не ошибаюсь: мальчики хватают подарки, а их глаза загораются.

– Спасибо, Папа Мороз, – визжат они, но потом так же резко затихают. И коробки мне обратно протягивают.

– Нет, у нас был договор только на маму, – деловито заявляет Коля.

– Не надо подалки, – соглашается Митя, но на машинки поглядывает. – Надо маму.

И всхлипывают оба.

– А ну, отставить! – по-доброму рявкаю на них. – Берите! – возвращаю коробки. – Маму тоже обязательно найдем.

– Обещаете?

Киваю, отправляю "подкидышей" в детскую и провожаю взглядом, пока они не скрываются на втором этаже.

Вот и как мне желание их исполнить? Не получается ни черта. Ярослава будто сквозь землю провалилась!

– А что случилось? – интересуются Загорские.

Наш разговор прерывают голоса, доносящиеся со второго этажа.

– Мама Лиля, я сама покачаю братика Майка, – важно звучит детский.

– Как скажешь, бусинка. Но если Миша не уснет или тебе надоест, то позови меня, хорошо? – спокойно и с нежностью отвечает женский.

На лестнице появляется девчушка лет семи, которая буквально выталкивает свою маму в сторону гостиной.

– Я уложу. Я же взрослая! Меня в школе вообще командиром класса назначили, – хвастается малая.

- Знаю. И горжусь тобой, – шепчет шатенка, ласково проводит по макушке и поправляет хвостики. – Командирша, – хихикает, – вся в отца-цербера!

В этот же момент к лестнице подходит темноволосый мужчина в деловом костюме. Он нервно рывкает что-то в трубку на немецком.

- Артур! – фыркает Лиля. – Во-первых, переходи на русский. Мы в гостях.

- Тише, рыбка, – осекает он ее, но беззлобно.

- И выбрось телефон. Новый год скоро! – не отступает девушка.

- Я не виноват, что эти придурки в Австрии не могут проект закрыть. В этом году должны все закончить, – гавкает он, но звонок все-таки прерывает.

Обращает внимание на нас, чуть голову наклоняет в знак приветствия. И вместе с женой они спускаются в гостиную.

- Это Никита, – незамедлительно представляет меня Алиса. – Он мамочку своих детей потерял.

- Не моих, – закатываю глаза.

- Сбежала? Обидел ее? – с прищуром изучает меня Лиля и крепче локоть мужа сжимает. – А то вы, мужчины, умеете, – многозначительно на Артура смотрит.

- С чего это вдруг? Я ее вообще не знаю, – возмущенно защищаюсь.

Наверное, в сотый раз объясняю, что и как произошло. Рассказываю до тех пор, пока лицо Лили не проясняется, а Алиса не вздыхает сочувственно. В следующую секунду они переглядываются задумчиво. И почему-то я скорее опасаюсь этих подруг, чем помощи от них жду. Исподлобья поглядываю на Стаса и Артура, но они лишь плечами пожимают, потому что сами не знают, чего от своих женщин ожидать.

- Слушай, у меня подруга работает в каком-то супер крутом медиахолдинге, – заявляет Лиля. – Снежана, ну, я тебе рассказывала, – напоминает мужу, но тот

реагирует не сразу. Хмурится задумчиво, а девушка отмахивается. – Не важно. Так вот. Они ведь могут объявление запустить на телевидении? И найдем сразу нашу потерянную маму. Фото ведь есть?

– Хорошая мысль. Да, фото есть, – подтверждаю, тянусь в карман за телефоном. Но образ улыбчивой блондинки сам всплывает в голове.

Тем временем Лиля лихорадочно пытается дозвониться своей подруге, но из динамика слышатся гудки.

– Не отвечает, – грустно сообщает.

Продолжает набирать, когда мы все садимся за стол. Я слежу за Колей и Митей, которые облепили меня с двух сторон. Окружили, взяли «в котел» – и не оставили путей для отступления.

Мальчики косятся на праздничные блюда, но стесняются что-то взять. И тогда я прихожу им на помощь. Наполняю большие тарелки с горой разными салатами, бутербродами и мясом – сами пусть выбирают, что им по вкусу. Замечаю, как пацаны переглядываются, а после – с удовольствием набрасываются на еду.

– Неужели опять ее этот босс-самодур припахал? – бурчит Лиля, так и не дозвонившись. – Как его, забыла... – щелкает пальцами. – Вадим. И фамилия такая еще. Как стихия... Шквал. Гроза. Гром...

– Шторм, что ли? – отзывается Ян, что устроился с семьей напротив, и откладывает вилку.

– Точно! – взвизгивает Лиля. – Вы знакомы?

– Да, давно общаемся. Еще с момента, когда Вадим в Польше филиал открывал. Я сейчас напрямую ему позвоню, – чмокает в макушку свою беременную жену, которая нехотя ковыряется в салате, потом наливает ей сок, а сам поднимается из-за стола.

Минут через пять мы уже общаемся со Штормом по видеосвязи.

Вадим внимательно слушает меня, короткие вопросы задает. Держит себя так, словно не президент холдинга, а психиатр. Не по себе даже становится. Но для меня главное, чтобы он согласился помочь нам с пацанами.

– Без проблем, – невозмутимо постановляет Шторм.

На мгновение я замираю. Так просто? Я уговаривать готовился, убеждать, приказывать – да что угодно, лишь бы скорее маму ребят найти.

– Жду фото и контакты. Составлю короткий текст, а Снежана обзвонит телеканалы, – озвучивает свой план.

– Снежана? Мы ей как раз дозвониться не могли, – вспоминаю тщетные попытки Лили.

Получается, права она оказалась по поводу босса-тирана. В новогоднюю ночь помощнице покоя не дает.

– Она отключила телефон, когда близняшек укладывала... – выпаливает Вадим и осекается резко. Мрачнеет, будто лишнее сказал и внутренне ругает себя за это.

– Эм... Кхм. Вы там вместе? – включаю свой «профессиональный нюх» и сканирую лицо собеседника.

– Ждем фотографии, – чеканит он и отключается.

Работает Шторм оперативно. Через час милое личико Ярославы сияет улыбкой почти по всем каналам. А еще через полчаса на мой номер поступает входящий звонок.

– Здравствуйте, вас беспокоят из городской больницы. Мы видели фото по телевизору. Кажется, ваша жена у нас...

– Обнаружили ее случайные прохожие три часа назад возле здания клуба. Сразу же вызвали скорую, – тараторит врач и ведет меня по длинному белому

коридору. Как дорога на тот свет, ей-богу. Не хватает вспышки в конце тоннеля.

В сотый раз поправляю медицинский халат, который норовит сползти с плеч. Бахилы шелестят на ногах. Казалось бы, обычные вещи, но раздражают меня невероятно. Не понимаю, откуда эти нервы – спокоен я обычно. Однако стоит лишь подумать о том, что скоро я увижу Ярославу (если это вообще она), так все внутри сворачивается. А в сознании всплывают невинные взгляды ее детей.

Пацанов специально дома оставил – незачем им разочаровываться раньше времени. Сначала я должен сам удостовериться, что нашел ту самую девчонку с фотографии. И посмотреть, в каком она состоянии. От одной мысли, что все может быть плачевно, сердце щемит.

Угораздило же меня так влипнуть, а-а!

– Почему в полицию не сообщили? – чеканю недовольно. – Более того, мои ребята обзванивали приемные покои. Но им не предоставили информацию.

Доктор теряется, резко останавливается, а я вздыхаю обреченно. Хочу скорее увидеть потерпевшую, узнать в ней Ярославу и... убедиться, что она в порядке, насколько это возможно в сложившейся ситуации. Взглядом указываю мужчине вглубь коридора, и он, спохватившись, продолжает шагать дальше.

– Принимали, оказывали помощь, – оправдывается на ходу. – Пытались паспорт найти или контакты родственников. Буквально полчаса назад определили девушку в палату и оформили. Как раз собирались сообщить в полицию, но вдруг объявление по телевизору увидели.

Прищуриваюсь недовольно. Ага, как же! Случайно на телевизор отвлеклись. В новогоднюю-то ночь...

– Документов при себе не было? – включаю «полицейского». Хотя, кажется, этот режим всегда активен. Не вытравить.

– Нет. Ни документов, ни денег, ни телефона, – незамедлительно отвечает доктор. – Поступила с закрытой черепно-мозговой травмой. На затылке обнаружены следы удара тупым предметом. Есть синяки на теле, но они скорее

всего при падении образовались. Сейчас пациентка без сознания. Мы предпринимаем все необходимые меры. Лечение предоставляется в полном объеме, – и на меня с опасением косится.

– Обокрали? – спрашиваю сам себя. Галочку мысленно ставлю: проверить версию. – Что за клуб? – уточняю и тут же набираю номер коллеги. – Тот, возле которого ее нашли?

– Фельдшер скорой спрашивал администратора клуба о ней. Тот заявил, что у них такая не работает, – поясняет врач.

Хмыкаю недоверчиво. Конечно, кому нужны лишние проблемы. Тем более, девчонка вполне могла быть не оформлена там. Меньше налоги – дешевле рабсила.

– Название, – настаиваю я, и доктор тут же озвучивает.

И следом раздается щелчок соединения. Быстро и четко передаю по телефону информацию в полицию. Прошу коллегу выяснить, знают ли Ярославу Солнцева в клубе.

– Сергей, мне лично это надо, – подчеркиваю, чтобы не откладывал в долгий ящик. Знаю я своих: новогодние каникулы, а потом и вовсе дело похоронят в ворохе бумаг. – Важно и срочно!

– Твоя девчонка? – ехидно интересуется полицейский напоследок. Несколько лет с ним проработали в одном отделе. Все меня женить "пытался". На словах, конечно же. Язык у парня длинный и без костей.

– С наступающим, – тем же тоном отвечаю ему. Ведь только что работой его озадачил. Фиг ему, а не Новый год.

Наконец, мы добираемся до двери палаты. И врач распахивает ее, впуская меня первым.

*Лиля и Артур – "Малыш от чужого папы. Не.Случайная связь"

*Снежана и Вадим – "Близняшки от босса. Сердце пополам"

Глава 5

Взгляд сам находит хрупкую фигурку, укрытую пледом, и цепко впивается в нее. Не оторвать. Ноги несут меня к койке. В режиме «автопилота».

Сажусь на самый край, проминая скрипучий матрас. И всматриваюсь в лицо. Пользуясь тем, что девушка без сознания, изучаю ее долго, нагло и детально.

Ее глаза закрыты, но похоже, что разрез «лисий». Тот самый, как на фото. Обескровленные губы тонкие и сжаты в одну прямую линию. Не хватает им лучезарной улыбки.

Овал лица, вздернутый носик, аккуратный подбородок, пшеничного цвета волосы.

В какой-то момент осознаю, что рассматриваю девушку не как на обычном опознании, а словно она – мой близкий человек. Опять накатывает ощущение соучастия и жалости. Я точно полицейскую хватку теряю.

– Состояние стабильное. Ждем, когда очнется. И переведем в общую палату, – комментирует доктор.

– «Випки» есть свободные? – машинально выпаливаю, продолжая сканировать болезненное личико.

Ярослава. У меня память фотографическая – не нужно сравнивать с изображением. Каждая черточка в мозгу отпечаталась.

На девяносто девять и девять процентов уверен, что это она. Только слабая, бледная, будто... неживая. Мороз по спине.

– Конечно. Что-то я сказал, не подумав, – идет на попятную врач. – Для вас найдем.

– Я оплачу, – не хочу злоупотреблять должностью, тем более бывшей. Я и раньше не наглел, а сейчас, управляя детективным агентством и обрывая нити с полицейским прошлым, – тем более не буду. – И составьте мне список, что необходимо. Лекарства, предметы гигиены, вещи. Продукты, в конце концов. Ей же что-то можно будет есть?

– Позже... У нас тут трехразовое питание, – предлагает он, но я морщусь и посылаю ему недобрый взгляд. – Ну да, больничная еда не сравнится с домашней... Кх-кх... Я напишу все назначения, рекомендации и вам отдам. Оставить вас? – указывает взглядом на Ярославу, а потом в сторону двери кивает. – Время посещения закончилось давно, но для вас сделаю исключение. Тем более ситуация такая. Пациентке будет приятно присутствие кого-то родного – она хоть и без сознания, но все чувствует. Того и гляди, быстрее на поправку пойдет.

– Да, оставьте, – произношу, а сам будто со стороны себя слышу.

Вот на хрена ты это сказал, Ник? Какой ты ей к черту родной? Пришел, опознал. Рецепт забрал – и вали обратно к Враговым! Пацаны как раз уснут, и сам отдохнешь. Что ты за идиот, а?

Пытаюсь привести самого себя в чувства. Но голос здравого смысла тонет в новых, неизвестных мне эмоциях.

Всему виной Новый год. Атмосфера придурковатая, будь она неладна. Все вокруг, как юродивые, ходят. Вот и я заразился.

Стоит доктору покинуть палату и плотно прикрыть за собой дверь, как я протягиваю руку к спящей Ярославе. Касаюсь пальцами тоненького запястья, провожу по тыльной стороне маленькой ладони.

Ярослава не реагирует. Дышит по-прежнему ровно, глаза не открывает, не двигается.

Изможденная, в отличие от фото. Худая. Почти прозрачная. Хрустальная.

Белоснежка, мать ее. Никак не очнется. И я вместо семи гномов ношусь с ней.

Как она выжила вообще после нападения и удара? Казалось бы, тронешь – и рассыпется сама на миллиарды осколков.

Импульсивно сжимаю прохладную ладонь – и Ярослава отвечает мне лихорадочным вздохом.

Отдергиваю руку. Как объяснять ей потом, почему чужой мужик ее лапает? Будто маньяк.

Если посудить, незнакомая рожа с трехдневной щетиной – это явно последнее, что хотела бы видеть Ярослава, когда очнется. Нужно детей привести.

Уйти немедленно, а завтра вернуться с мальчишками.

Просто встать и шагать на выход.

Но я продолжаю сидеть, будто врос задницей в матрас, и смотреть на некогда красивую девушку, которая больше похожа сейчас на мраморную статую, бледную и безжизненную.

Лихорадочно хлопаю рукой по карману, в котором жужжит телефон. Громкая тяжелая мелодия разрывает тишину. Приподнимаюсь, чтобы достать трубку и выключить звук. Но, взглянув на имя контакта, незамедлительно соединяюсь.

Прикрыв динамик ладонью, с опаской кошусь на Ярослава. Вдруг очнется. С одной стороны, это и к лучшему – скорее разберусь с ее делом и ребят верну. Но с другой, испугается же меня.

Однако она не реагирует ни на музыку, ни на шорохи, ни на скрип матраса подо мной. Совсем. Будто не слышит ничего.

– Да, Сергей, уже выяснил что-то?

А вот на голос мой отклик есть. Замечаю, как трепещут ее ресницы и чуть подрагивают веки. Странно: тихо ведь ответил. Может, мне кажется?

На всякий случай отворачиваюсь и перехожу на слабый шепот.

– Выяснил! – довольно гаркает в трубку полицейский, и его слышно на всю палату. Вновь оглядываюсь на Ярославу, но она мирно спит. В тот раз мне точно показалось. – Вспомнил, что у меня в том клубе связи есть, – хвастается гордо.

– Беспорядочные половые? – не могу не поддеть легкомысленного коллегу. Помню, что он ни одной юбки не пропускал. И представительницами древнейшей не брезговал. Вряд ли за год изменился.

– Ой, брось. Связи у меня талантливые. Я с «местной» танцовщицей знаком, – парирует он.

– Называй вещи своими именами. Со стриптизершей? – едва сдерживаю разочарованный вздох. Хотя чему я удивляюсь?

– Не суть. Любишь ты ярлыки навешивать. Зато ты не представляешь, сколько она мне рассказала, – бросает в свое оправдание, но я лишь глаза закатываю. – В общем, так. Солнышко твое она знает.

– Какое к черту «солнышко»? – взрываюсь я.

Ярослава позади дышит чаще. Поднимаюсь с постели и отхожу к двери. Опираюсь плечом о косяк, оказываясь полубоком к Белоснежке. Краем глаза продолжаю следить за ней.

– Ярослава Солнцева. Ее из-за фамилии так все зовут, – поясняет Серега. Но все равно мне это не нравится. Как кличка или сценический псевдоним. – В общем, она действительно работает в том клубе. Неофициально.

– Кем? – сглатываю я, и мой голос срывается, а рука раздраженно сжимает корпус телефона. Так сильно, что он поскрипывает, грозясь пойти трещинами. – Кем она там работает?

– В две смены девчонка пашет, – сообщает полицейский, а я зубами скриплю от того игривого тона, которым он о Ярославе говорит. – Днем поломойкой работает.

– Ты можешь нормально изъясняться? – злюсь из-за его грубости. Хотя коллега всегда таким хамом был. Но именно сейчас терпеть я это не собираюсь.

– Ну, уборщицей. Клуб драит, – делает паузу, и я слышу, как он жуёт что-то. – А ночью вип кабинки обслуживает...

Замираю. Разворачиваюсь, устало уперевшись спиной в дверь, и совсем иначе смотрю на ту самую миниатюрную девушку без сознания. Милая и невинная на первый взгляд, а на самом деле... Ну и зачем?

– То есть она... – язык не поворачивается озвучить.

– Официантка, – ржет он. Намеренно меня выводит. – Клуб элитный. Если кто посидеть и пообщаться хочет, то для таких компаний закрытые кабинки сделали. Ничего криминального. То, о чем ты подумал, на втором этаже. И «солнышко» туда даже носа не показывает, – насмехается надо мной, а потом добавляет заговорщически: – Признавайся, дело ведь личное? Кто она тебе, а? Иначе не бесился бы так.

– Никто, – отмахиваюсь, а сам взгляда с Ярославы не свожу.

– Ай, ладно, – сдаётся коллега. – Но, если что, девчонка нормальная. Ей не раз предлагали танцевать. Ну, и не только, сам понимаешь. На второй тоже приглашали. Там доходы – не сравнить с зарплатой уборщицы и официантки. За одну ночь месячную ставку бы взяла. Но отказывалась она. Хоть и двое детей. И нуждается. И администратор давил. Угрожал зарплату не выплатить. Вот только в последний день года деньги ей все-таки отдал за два месяца, – закашливается, подавившись. – Победила она, короче, так и осталась непоколебима.

Усмехаюсь, гордый за маму «подкидышей». Радуют меня такие новости.

Ярослава, оказывается, бойкая. И принципиальная.

– А почему неофициально работает, если не из этих? – недоуменно брови свожу.

– У нее вроде документов нет. Или скрывает. Кстати, моя танцовщица сказала, она и картой не пользуется. Только наличкой. И живет в съемной квартире. В чем там дело, я выясню, но уже завтра, – собирается оборвать звонок. – С наступающим.

– Нет, стоп! На нее напали возле клуба, – повышаю голос. Но Ярослава выдыхает со слабым стоном, вынуждая меня утихнуть. – В затылок ударили. Если это правда, что при ней выручка была, то еще и ограбили. Нужно проверить записи с внешних камер. И администратора прижучить. У меня полномочий нет.

– Полномочий нет, а приказываешь, как раньше, – бурчит Сергей. – Хорошо, я займусь. Только мне заявление надо. Ты Ярославу нашел же? Пусть подаст.

– Не может она, – с тоской поглядываю на бледную статую. – От моего имени напишем.

– Так ты же посторонний, – язвит он. – «Никто». И все такое...

– Придумаем, как сформулировать, – рычу на него.

Девчонке помочь надо, а этот паяц «петросянит». Устал я от его неприкрытого сарказма.

Нервно зажимаю кнопку отключения. Бросаю прощальный взгляд на Ярославу, но та даже не шевелится. Заставляю себя уйти.

В коридоре сталкиваюсь с доктором, который протягивает мне список и рецепт. Лекарства беру в ближайшей аптеке, а вещи решаю купить завтра и привезти, когда девушка очнется. Напоследок запихиваю в карман врачу несколько купюр, чтобы внимательнее к «потеряшке» был. Он отказывается, конечно, но я стремительно покидаю клинику. Чтобы ноги опять предательски не отнесли меня к постели Ярославы.

Когда возвращаюсь в дом Враговых, Коля и Митя уже спят. Для них выделили отдельную комнату на втором этаже. Там же, наверху, уложили и остальной

«детский сад», так что в гостиной уже не так шумно. Но друзья сидят за столом, негромко переговариваются, чокаются бокалами.

У меня же праздновать Новый год настроения нет, особенно, когда знаю, что одна незнакомая мне девушка лежит сейчас без сознания в унылых стенах больницы. А ее дети под моим присмотром. И неизвестно, что было бы с ними, если бы бабуля не привела их в наше детективное агентство. Подумать страшно...

Выбираю наиболее подходящий момент, прошу у друзей прощения – и капитулирую наверх. Для меня подготовили свободную спальню, но я уперто иду в детскую. Проверяю пацанов. Поправляю им одеяла, но одергиваю себя: заигрался в Папу Мороза. Пора завязывать.

И все-таки устраиваюсь на диване. С ними в одной комнате. Словно одержимый, пролистываю фотографии Ярославы. У меня нет оправданий, зачем я так поступаю. Нет сил их искать. Просто залипаю в изображения.

Так и засыпаю с телефоном в руке.

А наутро меня будит настойчивый звонок.

– Ярослава Солнцева приходит в себя. Сейчас готовим для нее палату. Приедете? – уточняет врач, но его голос тонет в радостных криках мальчиков.

Коля и Митя запрыгивают на меня, упираются локтями и коленями в грудь, горло, бока, живот, отдавив все, что только можно. Едва не скатываются с дивана, но я их по очереди за шкуру ловлю. Цепляются за меня, обнимают. И орут прямо на ухо:

– Мама! Поедем к маме!

И я не могу им отказать...

Ярослава

Под ногами хрустит битое стекло. Не вижу, но догадываюсь, что это осколки хрустальной вазы, которую впопыхах зацепили и смахнули на пол.

Переступаю через разбросанную одежду, будто забытую в спешке, поддеваю носком смятые джинсы, отодвигая их прочь. Ойкаю, ударившись бедром об открытый ящик комода, но не слышу собственного вскрика.

Пытаюсь осмотреться, однако обзор застилает туманная дымка. Едва не врезаюсь в распахнутую настежь дверцу шкафа. Обхожу ее, заглядываю внутрь. На полках нет вещей.

Отшатываюсь растерянно и разворачиваюсь. Замечаю фоторамку на тумбе. Лежит лицевой стороной вниз. Беру в руки, прищуриваюсь, но изображение плывет.

Пальцы ослабевают – и рамка летит вниз. Бесшумно, будто в вату.

Ее место занимает записка. Текст не прочесть, но я чувствую: там что-то плохое. Уму и сердцу непостижимое.

До ушей доносятся голоса. И плач. Жалобный и тонкий.

Душа рвется на части, разум не верит, тело, словно на воздушной подушке, плывет в сторону звука.

Потому что это важно. Ценно.

При этом дико и невозможно! Неужели можно было так поступить?

Хватаюсь за ручку двери, толкаю ее в панике...

Ослепляющая вспышка вызывает острую боль в затылке. Вырывает из сна. Или воспоминаний?..

- Где я? - сипло шепчу. - Пить хочу.

С трудом поднимаю веки и жмурюсь от яркого света. Голова раскалывается. Осматриваю больничную палату, вижу капельницу, трубка от которой тянется к моей руке. Собираюсь привстать.

- Лежите-лежите, - подбегает медсестричка. - Сейчас ваших позовут. Все ждут, когда проснетесь.

- Моих? - хрипло спрашиваю. - Кого?

Пытаюсь вспомнить, что со мной произошло. Но в голове белый шум.

Никаких картинок! Абсолютно. Словно меня не существует.

Я даже не знаю, как меня зовут. Перебираю в мыслях возможные варианты, примеряю на себя. Но как только только нить, связывающая меня с реальностью, становится прочнее, ее будто кто-то нещадно режет ножом. Паника захлестывает разум.

- Ма-ама! Мамочка! - возвращают меня к жизни звонкие детские голоса.

Двое мальчиков подбегают к моей койке, обхватывают меня маленькими ручками, чмокают по очереди в щеку. Оба светловолосые, сероглазые. Напоминают мне кого-то. Но образ мгновенно стирается.

- Мы нашли тебя! - визжит один. Он старше. Улыбка такая красивая. Родная.

- Нахли! - коверкает второй. Маленький совсем, но матрас скрипит жалобно и проседает, когда он упирается в него.

- Так хотели Новый год вместе встретить. Но не успели до полуночи к тебе! - жалуется первый. - Зато все-таки нашли! Успеем подарки под елкой забрать?

Елка? Подарки? Сейчас Новый год? А у меня стойкое ощущение, будто за окном осень. Как в том сне... Хочу встать и взглянуть на улицу. Но каждое движение отдает резью в висках и затылке.

- М-м-м, - постанываю, морщась.

Мальчики отстраняются, чтобы не нанести мне вреда, и от постели отходят. Смотрят на меня обеспокоенно.

- Подарки, - хриплю, - вас дождутся, - киваю импульсивно.

Набираю полные легкие воздуха, надеюсь, что кислород освежит мысли. Но вместо этого к горлу подкатывает тошнота. Из последних сил вглядываюсь в лица мальчиков. Напрягаюсь, чтобы вспомнить их, игнорируя боль и помутнение.

Дети аккуратно укладывают свои крохотные ладошки на мою руку. Улыбаются. И в сердце разливается тепло. Родственное... Материнское?

Мои. Мои мальчики!

- Коля, Митя, - сами слетают с уст их имена. Хоть что-то!

Едва не плача, обнимаю сыновей в ответ.

У меня есть дети. Мысль о том, что я не одинока, греет душу. Но чувство странное, будто я упускаю что-то.

- Все готово, - доносится незнакомый мужской голос. Мне он не нравится. Как пенопластом по стеклу. - Сейчас пообщаетесь, но недолго. Чтобы не сильно утомлять. И потом мы перевезем ее в VIP палату. Вещи привезли? Ну, сегодня больше ничего не нужно. Если что, медсестра позвонит.

Смотрю поверх детей - и вижу край белого халата. Логично. Я ведь явно в больнице. А пришел ко мне, наверное, мой лечащий врач.

- Да, конечно, - отвечает ему кто-то.

Я вслушиваюсь в грудные бархатные нотки, различаю волнение в тоне, беспокойную вибрацию. И в то же время этот голос обволакивает теплом, дает ощущение безопасности. Кому он принадлежит?

Недоуменно хлопаю ресницами, когда замечаю мужчину в дверях.

Незнакомец собирается сделать шаг, но вдруг замирает, перехватив мой изучающий взгляд. Стоит истуканом, внимательно сканирует меня.

Каждую черточку. Каждую эмоцию. Каждую реакцию.

Чуть прищуривается, лаская взглядом. Добрым, нежным, словно я родная ему.

Наверное, я должна была сразу почувствовать, кто это? Узнать, как детей?

– А это наш Папа Мороз! – радостно объявляют Коля и Митя, оборачиваясь в сторону незнакомца. Кажется, он действительно чем-то на мальчишек похож. Или они на него? Есть общие черты.

Мы с мужчиной вздрагиваем одновременно. Опять пересекаемся взглядами. И у меня воздух выбивает из легких.

– Папа?.. Вы... мой муж? – спрашиваю испуганно, и он заметно напрягается. Молчит, пока я судорожно копаюсь на самых дальних задворках моего сознания, но все напрасно. – Простите, я вас совсем не помню, – выпаливаю прежде, чем успеваю прикусить язык.

Меня ведь примут за сумасшедшую. А мне нельзя подставляться. Иначе мальчиков заберут. В детдом.

Стоп. Откуда эти страхи?

Качаю головой, будто «шкафчики» в воспоминаниями встряхнуть хочу, но получаю в ответ лишь вспышку боли. Такую сильную, что прикрываю глаза, чуть не плача.

– Мамочка, – зовут мальчики.

Кажется, не сдерживаюсь и хнычу. Жалобно. Что со мной? Почему так плохо?

Шаги приближаются. Осторожные. Негромкие. Чтобы не тревожить меня.

- Тише, - одно лишь слово ласкает слух. Успокаивает.

- На сегодня визит окончен, - чеканит врач. Больше всего на свете желаю сейчас, чтобы он замолчал, а вновь заговорил тот родной голос. - Ваша жена слишком слаба.

Мой муж все-таки. Значит, мальчики под присмотром. В надежных руках - на уровне интуиции осознаю это.

О Коле и Мите позаботится...

Как зовут его?

Щеки касается теплая ладонь, потом перемещается к руке, крепко сжимая кисть. Добрый шепот проникает прямым в голову, но от него не больно. Хоть я и не разбираю больше слов. Все становится не важным.

Слабо выдыхаю, слегка приподнимаю губы в улыбке и, обессиленная, лечу в темноту.

Глава 7

Никита

- При такой сильной травме возможны провалы в памяти. Частичная или даже полная ее потеря, - вещает врач, а я замечаю, как учащается дыхание Ярославы, и подаю ему знак «понизить громкость». - Но то, что пострадавшая вспомнила имена детей, - уже хороший знак. Глядишь, со временем и вас как мужа примет.

Опомнившись, отпускаю руку девушки. Оказывается, все это время я сжимал и поглаживал ее ладонь. Веду себя, как псих. Никогда не замечал за собой подобных наклонностей, но к Ярославе меня будто магнитом притягивает. Дотронуться до нее хочется. Обнять, защитить. Откуда во мне эта патологическая жалость? Или что-то еще?

Закрывать нужно это «дело». И чем быстрее, тем лучше для всех.

– Я не... – собираюсь поспорить с доктором, но кошусь на мальчишек, которые устроились на краю постели рядом с мамой и с грустью всматриваются в ее бледное, умиротворенное лицо.

Если я сейчас признаюсь, что являюсь абсолютно посторонним для них человеком, врач обязан будет уведомить соответствующие органы. Что тогда с пацанами будет? Родственников у них нет, судя по всему. Или тем плевать на детей. Иначе не соседка присматривала бы за Колей и Митей, а кто-то из близких. И уж точно любящие люди не пустили бы малышей на мороз маму искать.

Одни они...

Значит, пацанов ожидает прямая дорога в детский дом. На время, пока Ярослава не придет в себя.

– Сколько ей времени нужно, чтобы восстановиться? – мягко обхожу вопрос о нашем «замужестве». – Когда ее выпишут?

– Около трех недель пациентка пробудет у нас, – шокирует меня врач. – Ну, а что вы хотели, – разводит он руками, словно извиняясь. – Мы должны наблюдать за ней. Так что праздники все она проведет в больнице, но вы сможете ее навещать.

Очередной быстрый взгляд летит в сторону Мити и Коли – и решение приходит самой собой. Не вижу другого пути, кроме как... забрать их к себе.

Позже, когда Ярослава придет в себя, я представлюсь, объясню все, «корочку» покажу, если не поверит. Выпишут – передам ей детей из рук в руки, так

сказать, и с чувством выполненного долга вернусь к работе.

Три недели, мать их. Целая вечность. Мне что с мелкими все это время делать? Может, все-таки удастся хоть какую-никакую родню отыскать? Вызвать из другого города?

Но Коля и Митя мне в этом не помощники. Молчат, как партизаны. Вся надежда на Ярославу. Она ведь может раньше хоть какие-то крохи вспомнить? Вот и подскажет, кому я могу ее детей доверить.

Осталось дожидаться...

- Когда к ней вернется память? - уточняю я.

- Человеческий мозг - загадка, - увильивает от прямого ответа доктор, и мне определенно не нравится такое начало. - Мы пока не понимаем, насколько все серьезно. Нужно пообщаться с больной ближе. В случае, если у нее все-таки ретроградная амнезия, а это вполне возможно, но никаких прогнозов я давать не могу, - делает паузу, а я невольно изучаю Ярославу. - На восстановление могут уйти недели, месяцы, годы. Она может вспоминать некоторые эпизоды своего прошлого. Или все и сразу. Или... вообще ничего.

- Это лечится? - хрипло спрашиваю, а горло судорогой сводит. - Что делать?

- С вашей стороны необходимы внимание и уход, - пальцем в меня тычет. Собираюсь возмутиться, но осознаю, что он меня считает мужем Ярославы. И поддерживаю легенду. - Часто бывает, что пациента достаточно вернуть в привычную среду обитания - и память сама восстановится. Поэтому в ближайшие дни вы с детьми должны быть рядом и общаться с ней. А после выписки поедете домой, - касается моего плеча, похлопывает успокаивающе. - Вернетесь к обычной жизни. Как было до травмы. Постепенно больной должно стать лучше.

Домой. В обычную жизнь.

Я понятия не имею, как Ярослава жила до травмы. И возвращаться некуда. Квартира-то съемная. За три недели девушку успеют выпереть оттуда - и

заселить новых постояльцев.

Ай, к черту! Сделаю то, о чем сто процентов пожалею потом.

– Спасибо, – пожимаю врачу руку и поднимаюсь. – Коля, Митя, – окликаю мальчишек, и они смотрят на меня с надеждой. В самое сердце забираются, ковыряют там что-то затвердевшее. – Поехали домой. Маму завтра навестим еще раз.

– Пап-мороз, – пыхтит Коля, пока мы поднимаемся по лестнице, – ты нас одних дома оставишь? – выдыхает он шумно.

От неожиданности резко останавливаюсь, и Митя, которого я за руку все это время вел, влетает мне плечом в бедро. Испуганно кошусь на него, переживая, не сильно ли он ударился. Но малыш так упакован в свой «скафандр», что ему ничего не страшно. Улыбнувшись, треплю его по шапке.

– Давайте ускоримся, – протягиваю руку и Коле, но тот не принимает предложенную помощь. Обходит меня и важно топает к своей квартире.

– Опять одних? – вторит Митя брату и губы дует, но ладонь не вырывает из моей хватки.

– Да с чего вы взяли? – возмущенно голос повышаю.

– В квартиру же нашу приехали, – пожимает плечами Коля, не оборачиваясь.

Догоняю его и спины касаюсь. Похлопываю, как старого друга.

– Конечно. Чтобы сумки собрать. Или вещи вам не нужны? – укоризненно говорю несмышленишам, а они молчат виновато. – А маме?

На самом деле, есть еще причины, почему я здесь. Хочу пообщаться с соседкой или с хозяйкой квартиры, узнать что-то о Ярославе. А также перерыть все вверх дном – и найти хоть какие-то документы.

Если Ярослава не была трудоустроена в клубе, то, скорее всего, и паспорта у нее при себе не было. Возможно, он где-то дома спрятан.

Но об истинных мотивах нашего приезда в квартиру я, конечно же, умалчиваю. Пацанам лучше меньше знать.

– Да, нужны, – соглашается Коля, пока Митя растерянно переводит взгляд с меня на брата и обратно. – А куда мы потом? – не отстает он.

Нет, из него точно полицейский отличный выйдет. Я сейчас себя, словно на допросе, чувствую. С пристрастием.

– У меня поживете, – задумчиво хриплю и делаю еще несколько шагов вверх по лестнице. – Временно, – выпаливаю, не просчитав последствия.

– Что такое «временно»? – отзывается Митя и дергает меня за руку. Вопросительно на Колю поглядывает.

– Это как наш папа, – быстро ориентируется тот, а мне разбить что-нибудь хочется в этот момент. Желательно, об голову чудилы, который их бросил.

– А-а-а, – в заметной грустью в голосе тянет Митя и голову опускает, пару раз шмыгнув носом. Надеюсь, он от холода, а не потому что...

Одного взгляда на мелкого хватает, чтобы все осознать.

Черт!

Ну, вот что ребята делают со мной? Какого хрена я вину чувствую вместо их отца? Я их еще и не оставил даже, а они крест на мне поставили.

Как папа, видите ли!

Я помогаю, ношусь с ними. Ночь не спал, маму их искал. А взамен что?

Как папа! Тьху, черт!

Я ведь и предавать их не планирую. Пока Ярослава память себе не вернет, с ними останусь. Потом уже разговаривать будем и "расходиться" по-мирному.

– Я не как ваш папа, – цежу я, не выдержав. Пацаны головы в плечи вжимают от моего грозного тона.

Так, нервы у меня ни к черту. Надо быстрее управиться тут – и домой.

Детей – в ванну, за стол и спать! Мне, в принципе, тоже такой сценарий по душе. За одним исключением – хочу вечером к Ярославе заехать. Всего лишь убедиться, что она в порядке.

– Марьванна ваша, надеюсь, вернулась уже, – рычу, вдавливая кнопку звонка и тарабаня в дверь.

Мальчики молчат. То ли обиделись на меня окончательно, то ли испугались, то ли размышляют о будущем своем. А больно мне.

– Кто? – наконец доносится голос. – Не выбивай двери, иначе полицию вызову! – рявкает бойкая соседка.

– Полиция на месте, – не теряюсь я.

И перед глазком просроченной «ксивой» взмахиваю. Прав был Кузнецов: надо нам в детективном агентстве похожие удостоверения сделать. Пока никаких нет. А ведь без «бумажки» ты, как говорится... не человек, в общем.

– О-ой, – шустро щелкает замком Марья Ивановна. – А что случилось?

– Ключи запасные есть от квартиры, где Солнцевы живут? – киваю на пацанов.

– Н-нет. Но у хозяйки должны быть. Сейчас, – машет головой и мчится к двери на той же лестничной площадке. – Тамара, открывай, – орет что есть мочи. – К Ярославе полиция.

Закатываю глаза и ругаюсь про себя всеми матерными словами. Хотел же аккуратно, но вышло как всегда. Будто маньяка-убийцу ловлю тут, а не девчонку из беды вытащить пытаюсь.

– Что? Кто? – распахивается дверь, и на пороге появляется женщина в махровом халате. – Вот так и знала, что проблемы с ней будут, – ядом брызжет. Заочно мне змеюка не нравится.

– Почему? – холодно чеканю. – Родственники есть у нее? Или... приходил кто, – голос от злости срывается в глухой рык.

Боюсь услышать то, что мне не понравится. Хотя не имею права на необоснованную ревность. Наличие мужика у такой девушки, тем более, одинокой, еще ни о чем плохом не говорит. Молоденькая ведь, ей жизнь свою устраивать надо после ухода супруга-идиота. И это не мое дело.

Не мое. Ага, как же. Руки в кулаки сами сжимаются. Даже Митьку отпускаю, чтобы не сдавить ладошку.

– Нет, мы почти не общались, – испуганно хлопает ресницами Тамара. – В квартире никого постороннего я не замечала. Вот, вы первый.

Ее заявление не должно меня трогать. Но все-таки камень с души срывается и летит вниз.

Первый, значит. Только вот я ей никто...

– Родственники не приезжали, – подключается Марья. – Да у нее и нет их особо. Сестра за границей где-то, родителей нет, а муж... – обрывает фразу, покосившись на детей.

– Объялся груш. Ясно, – отмахиваюсь я. – Так чего же вы на нее наговариваете тогда? Какие проблемы?

– Пф, одна с двумя детьми, – произносит Тамара так, будто это преступление быть матерью. – И пропадает сама днем и ночью где-то. А теперь полиция за ней явилась. Что она натворила?

– Ничего. В больнице Ярослава, – выплевываю я, желая «обелить» девчонку. Честь ее, блин, защитить, хотя зачем это мне...

– Да? Ой. Бедная, – сразу меняет интонацию хозяйка. Однако лицемерием так и прет. – Ну, сейчас открою. Обыск проводить будете? А зачем? – вся превращается в слух.

– Вопросы здесь задаю я, – осекаю чересчур любопытную женщину. Потом будет слухи разносить, а мне такое ни к чему. – Считайте, что я здесь как частное лицо, – все-таки уточняю, чтобы из-за моей самодеятельности у коллег проблем не возникло. – Мы вывезем вещи и освободим квартиру.

Хозяйка сканирует меня внимательно, замечает, как дети ко мне жмутся.

– Все-таки вы... ее мужчина? – делает неправильный вывод. Хотя в нашей ситуации больше нечего думать. – Она мне должна, – спохватывается мгновенно. – За два месяца, – не теряется.

Сомневаюсь, что ей можно верить. Знаю я этих «серых риелторов».

– Без проблем, – ухмыляюсь я. – Договор покажите, по нему оплачу остаток. Вы же официально квартиру сдаете? И самозанятость оформлена? – едва сдерживаю смехок, наблюдая, как кривится лицо Тамары.

Соседка Марья и вовсе скрывается в своей квартире, почуяв неладное. Отлично, меньше свидетелей, сующих свой длинный нос куда не надо.

– Конечно, – врет Тамара и взгляд отводит. Надо бы прислать к ней проверку. – Но искать долго. Да и черт с ними, с деньгами. Такие детки хорошие, – позорно отступает она. – Что же я, не человек вовсе? Мама в беде, а я о деньгах. Забудьте. Вот. Ключи в прихожей на тумбочке оставите, позже заберу.

Вкладывает связку мне в руку, а сама капитулирует в сторону своей квартиры. Дверь захлопывает так громко, что петли трясутся.

– Она плохая, – постановляет Митя.

– Да, выгнать нас обещала, на маму орала, – бурчит Коля. – Вот я бы ее, – еще и кулаком грозит. – Но мама не разрешает мне ругаться.

Маленький, а уже чуть ли не глава семьи. И умный не по годам.

– Правильно делает. Слушайтесь оба маму, – машинально произношу. – Так, показывайте, – первыми впускаю их в квартиру. – Мамина комната где?

– Тут всего одна комната. Вон дверь, – указывает Коля, пока я с Мити шарф и куртку стягиваю.

– Тогда помогите мне вещи собрать, – тянусь к старшему, но он сам молнию расстегивает. – Займитесь своими, а я мамину одежду упакую.

Коля кивает охотно и, поманив брата, направляется в комнату. Деловые оба такие!

Провожая их взглядом и, погасив лишние эмоции, осматриваюсь: чисто вокруг, убрано. Не то чтобы я ожидал бардака, но по долгу службы готов ко всему. Выдохнув, проверяю шкафчики в коридоре, но ничего в них не нахожу.

Бреду в спальню, где «трудятся» Коля и Митя. Хорошие пацаны, послушные.

Заставляю себя сосредоточиться на том, зачем я здесь. Перерываю постельное, зону под матрасом, подушки, осматриваю стол снизу, вазы внутри. Малышня посматривает на меня с интересом, но вопросов лишних не задает. Подумав, иду в ванную комнату.

Стараюсь игнорировать женское белье на сушилке, но взгляд сам скользит по милому, отнюдь не вульгарному, а нежному, как сама Ярослава, кружеву и хлопку. Внезапно душно становится – я даже ворот рубашки ослабляю.

Нет, все же не так со мной что-то. Хотя ясно, что. Сбой системы и перегрев. Работа бабу не заменит.

Любви я с Миланой нажрался, теперь воротит. В одну из новогодних ночей предложение собирался ей делать, романтик хренов. Но она «обрадовала» меня

новостью о скорой свадьбе с Загорским. А вскоре ребенка нашего тайком «убила». «Подарок» под елку мне сделала.

Не-ет, чувства мне больше точно не нужны. Несколько недолгих интрижек – мой максимум. Да и то надоело. Постоянно подвоха жду. А, как коллеги, «перебиваться» легкими девушками я элементарно брезгую. Хоть справку бери, ей-богу, прежде чем в кровать пускать.

Вот и стеклись в итоге мозги вниз. Странно, что произошло это именно сейчас, а не раньше. Накопилось, мать вашу.

Не вовремя! И не по отношению к девушке, которая без сознания в больнице лежит! К матери двоих детей!

Точно псих озабоченный!

Мысленно встряхиваю себя, мозг возвращаю в черепушку. И лезу туда, куда намеревался, – в туалетный бочок.

Бинго, блин.

Вода слита, а внутри лежит сверток, обернутый в несколько пакетов.

Девочка сериалов ментовских пересмотрела, как и большинство «заблуждающихся» граждан. Выбирают они обычно самые предсказуемые места. Как для воров, так и для полиции.

Но это к лучшему. Быстрее я справился с «заданием». Теперь только сумки сгрузить – и домой малышню можно везти.

Но прежде... Срываю пакеты, достаю деньги, слишком мало, а также свидетельства о рождении детей, какие-то еще бумаги и удостоверение личности Ярославы. Отлично!

Листаю паспорт. Изучаю фото, от которого ничего не екает внутри, в отличие от тех, что из телефона мальчишек скопировал. Да это и понятно: на документах изображения получаются часто неживыми и ненатуральными. Еще и макияж у

Ярославы такой... тяжелый, что ли. Надеюсь, вместе с потерей памяти она забыла, как его наносить. Потому что в жизни девчонка намного приятнее.

Отмахиваюсь от ее образа, который преследует меня со вчерашнего дня. Как будто вирус подцепил. Сканирую фото еще раз.

Так, паспорт ее: сходство на лицо. Дохожу до интересующей меня графы. Убеждаюсь, что дети вписаны. Ну, хоть не киднеппинг – уже легче. Осталось выяснить, от кого Ярослава скрывается.

Перекладываю пакет подмышку, и что-то вываливается из него, летит на пол, звонко бьется об кафель. Приседаю, нахожу закатившееся под раковину обручальное кольцо. Из-под ванной выуживаю второе, большего размера.

Страдает девчонка до сих пор, видимо.

Вздыхнув, открываю страницу паспорта с семейным положением, вчитываюсь и зубами скриплю. От злости и удивления. Это же надо было так...

Глава 8

Ярослава

– Потерю памяти можно имитировать?

Слышу знакомый голос, доносящийся из коридора, и невольно улыбаюсь. Тепло становится, уютно, и всю меня обволакивает чувством защищенности, заключая в кокон. Но как только осознаю смысл озвученной фразы, мгновенно мрачнею, а настроение улетучивается вместе с предвкушением скорой встречи.

Что он сказал? Имитировать? Почему мне не верит собственный... муж?

– Теоретически, да. Но при длительном личном общении все равно пациент раскроет себя, – сообщает врач и только хуже делает, увеличивая пропасть

между нами. – А вы подозреваете свою жену...

– Понял, спасибо, – обрывает его резко и грубо. От жестких, стальных ноток озноб проходит по коже.

Я ведь даже не помню, какие у нас отношения с мужем, и уж точно не знаю, как все исправить. Ясно лишь одно – я сейчас нуждаюсь в нем. Мои дети не справятся одни, слишком маленькие. А я беспомощна.

Он ведь не оставит мальчиков? Почему у меня такое стойкое чувство, будто подобное с ними уже случилось? И что у Коли и Мити есть только я.

Но как же...

Гипнотизирую дверь, считая приближающиеся шаги.

Заходит муж один, оставляя врача в коридоре. На пару секунд останавливается на пороге, заметив, что я не сплю, задумчиво окидывает меня взглядом, от которого сегодня хочется спрятаться под одеяло, но потом все-таки приближается. Не обронив ни слова, складывает руки в карманы, тем самым возводя стену между нами.

– Привет, – проговариваю сипло и умудряюсь улыбку изобразить. Вряд ли она смотрится красиво на моем бледном, болезненном лице. И сомневаюсь, что смогу ею расположить к себе мужа. Сегодня он волком на меня смотрит.

– Что-нибудь вспомнила? – не здороваясь, опускается на стул рядом.

– Тебя – нет. Извини, – честно отвечаю и тут же спохватываюсь. – Как мальчики?

– Поужинали и спят. Устали за эти дни, – в его тоне проскальзывает тепло. – Я ненадолго. Не хочу одних их оставлять.

– Они самостоятельные, – выпаливаю машинально. – От Мити нужно прятать сладости, иначе его стошнит. «Стопа» совершенно нет, – улыбаюсь сама себе, не сразу осознав, что выдаю новую информацию.

- Учту, - на автомате отзывается муж.

- Ты ведь не живешь с нами? - догадываюсь я, исходя из его ответа. - Тебя вызвали, потому что я попала в больницу. И теперь тебе приходится возиться со мной и детьми, ведь так?

- Ярослава, давай мы поговорим позже, когда... - вздохнув, он подается вперед. Упирается рукой в край постели, продавливая вмятину в матрасе. Опускаю взгляд на его безымянный палец.

- И колец нет, - выдыхаю с грустью.

Разбиваюсь о напряженное молчание мужа.

- Пожалуйста, - переборов удушающее смущение, которое неуместно между супругами, я накрываю его ладонь своей. Он тут же перехватывает мою руку и сжимает. - Прошу тебя, присмотри за детьми, пока я здесь? Или договорись с врачом, чтобы меня выписали раньше? - отрицательно качает головой, а я захлебываюсь паникой, не понимая, с каким именно пунктом он не согласен. - Послушай... - лихорадочно роюсь в своем сознании, а там чисто, как после генеральной уборки. - Я не помню твоего имени...

- Никита, - представляется он, и я импульсивно отдергиваю руку.

Имя отзывается неприятным, колющим чувством в груди. Холодом и отвращением. Слово чужой кто-то. Но смотрю в серо-голубые глаза, внимательно изучающие мою реакцию, и смягчаюсь, ощущая противоположные эмоции.

- О детях можешь не беспокоиться, - поднимается он с места. - Они под присмотром. Завтра приеду с ними. Выздоровливай, - проговаривает безэмоционально.

И очень быстро покидает палату.

- Пока, - бросаю в закрытую дверь и ощущаю, как по виску стекает слеза.

Поворачиваюсь на бок и молю лишь о том, чтобы Никита действительно вернулся с мальчиками. Как же страшно быть беззащитной и... одинокой.

Страшно, но... привычно.

Несколько дней спустя

Ярослава

– Ма-ам, – зовут Коля и Митя еще из коридора. Их визг врывается в палату намного раньше, чем они сами.

Приподнимаюсь в постели и устраиваюсь полусидя, оперевшись спиной о подушку. С нетерпением жду своих мальчишек и... их Папу Мороза, как смешно они его зовут.

Мы с Никитой не возвращались больше к теме наших отношений. Он не спешит рассказывать мне что-либо, а я боюсь спрашивать, чтобы не разрушить хрупкую иллюзию счастливой семьи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/lesnevskaya_veronika/dva-chuda-dlya-papy-moroza

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)